

Ю.В. Латов

*д.соц.н., к.э.н., доцент, главный научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)*

СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНЕННЫХ ШАНСОВ И РИСКОВ КАК ВКЛАД В «ЭКОНОМИКУ СЧАСТЬЯ» (размышления над книгой «Общество неравных возможностей: социальная структура современной России»)

Аннотация. Анализируется коллективная монография сотрудников Института социологии ФНИСЦ РАН и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» под редакцией Н.Е. Тихоновой о социальной стратификации современного (2010–2020-х гг.) российского общества. Главной методологической инновацией её авторов является комплексное использование в качестве критерия классификации наличия/отсутствия у людей определённого набора жизненных шансов и рисков. Такой подход, предложенный в общей форме ещё М. Вебером, лучше традиционной структурализации «по доходам», поскольку помогает выявлять ресурсы, которые формируются и реализуются в долгосрочном периоде, а не в статике, как размер доходов на какую-то дату. На основе этого подхода авторам коллективной монографии удалось сделать многие важные выводы о специфике современного развития России, продолжающей догоняющее развитие. Ими выявлено деление современных россиян на верхнюю (позитивно-привилегированную), среднюю (нормальную) и нижнюю (негативно-привилегированную) страты в пропорции примерно 10:65:25 по состоянию на рубеж 2010–2020-х гг. При этом, хотя до $\frac{2}{3}$ россиян относятся к средней страте, однако от рисков бедности избавлена лишь примерно четверть всех россиян, а остальные $\frac{3}{4}$, включая большую часть средней страты, если не бедны, то живут в условиях рисков обеднения. Определённая «недоразвитость» современной России проявляется также в высоком эффекте «липкого пола», в то время как эффект «липкого потолка» заметен в массовых слоях гораздо слабее. Хотя сами авторы коллективной монографии презентуют свой подход как выходящий за рамки экономического подхода к благосостоянию, объективно их аналитическая разработка является элементом перехода обществоведов к более широкому пониманию благосостояния, который в экономической науке начался с 1970-х гг. Разработанный авторами книги Индекс жизненных шансов и рисков фактически основан на тех же предпосылках, что и Индекс человеческого развития, но включает заметно большее количество элементов, характеризующих как монетарные, так и немонетарные аспекты благосостояния людей XXI в.

Ключевые слова: *транзитивная экономика, социальная структура, неравенство, жизненные шансы, экономика счастья, экономический и социологический империализм.*

JEL: B41, D63, I31, P20, Y30, Z13.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_193_201.

В последние десятилетия обществоведы всё чаще отмечают, что характерное для XIX–XX вв. разграничение сфер разных общественных наук постепенно стирается. На поверхностном уровне это стирание проявляется в различных «империализмах», когда какая-то из общественных наук (прежде всего экономическая теория) пытается «навязать» свои дискурсы «соседним» наукам. Но кроме поверхностной «борьбы империализмов», главным образом экономического и социологического [Автономов, 2010], есть более глубокие уровни взаимовлияния. Это происходит, когда обществоведы, не претендуя на

универсальный подход, «просто» начинают решать конкретные исследовательские проблемы, объективно находящиеся на стыке нескольких общественных наук, и тем самым обогащают не только свою науку, но и «соседние», формируя «обществознание без границ» [Розов, 2009].

Одной из таких пограничных проблем является проблема социальной стратификации — деления общества на качественно различные социальные группы. Сама эта проблема относится главным образом к социологии, однако её значимость для экономической теории не подлежит сомнению со времен К. Маркса и Т. Веблена. В условиях современной России понимание стратификации общества имеет не только научно-академическое, но и практическое значение, важное для мониторинга социальной напряжённости. В частности, давно обсуждается, между какими социальными группами россиян наблюдаются наиболее острые конфликты — между бедными и богатыми или между властью и имущими и обычными гражданами? Стабилизация ситуации в России с 1990-х гг. связывается с формированием среднего класса. Однако до сих пор продолжаются дискуссии, насколько этот класс в современной России многочислен и в какой степени он выполняет ожидаемую роль стабилизатора. Много неясного и с современной бедностью. Если в официальном дискурсе подчёркивается изживание в России XXI в. массовой бедности, то в оппозиционных кругах давно сформировалась традиция обвинения власти в сохранении бедности большинства россиян. Все эти вопросы выводят в конечном счёте на «рамочный» мега-вопрос, насколько модернизирована современная Россия: удалось ли ей хотя бы в самых общих чертах сформировать современное общество или она по-прежнему осуществляет догоняющее развитие от архаики к модерну?

Коллектив московских социологов под руководством Н.Е. Тихоновой, участвуя в этих обсуждениях, уже два десятилетия разрабатывает новые подходы к анализу социальных структур современной России (см., например, [Тихонова, 2006; Тихонова, 2018; Лежнина, 2019; Аникин, 2020; Каравай, 2020]). Новая коллективная монография «Общество неравных возможностей» [Тихонова, Мареева, Аникин, Лежнина, Каравай, Слобободенюк, 2022]¹ стала важной вехой развития этой научной школы, предлагая в целостном виде не только новое описание современного российского социума, но и существенно новый теоретический подход, значимый не только для транзитивной России.

Участники проекта под руководством Н.Е. Тихоновой используют подход, восходящий к идеям М. Вебера о большом значении стратификации не просто по материальному благополучию, но по жизненным шансам. Материальное благополучие (доход, имущество) характеризует благосостояние индивида в статике, на конкретный момент времени, в то время как жизненные шансы — в динамике, на многолетнюю перспективу вперед. Например, свежеспечённый выпускник вуза может казаться бедным, поскольку имеет на первых порах невысокий доход, неустойчивую занятость, а часто и долги. Однако на самом деле он не воспринимается «отверженным» ни им самим, ни окружающими, поскольку запас вузовских компетенций и здоровья с очень высокой вероятностью обеспечат ему в ближайшие годы и зарплату, и карьеру. Как указывают авторы «Общества неравных возможностей», жизненные шансы определяются, прежде всего, наличием, объёмом и характером возможностей имеющихся у них ресурсов, необходимых для преобразования в доход в рамках существующего экономического порядка. Прежде всего, это накопленные навыки и компетенции, но также и имущество (с. 19). Антитезой жизненным шансам являются жизненные риски — наличие определённых ограничений (нездоровья, обремененности иждивенцами, низкого образования...), которые, как и жизненные шансы, рассматриваются в качестве отклонения от существующей в российском обществе нормы. Для интегральной оценки наличия жизненных шансов/рисков авторами используется набор из 24-х

¹ Далее в круглых скобках в тексте приводятся ссылки на страницы данного издания.

показателей — 12-ти индикаторов позитивной привилегированности (наличие второго жилья, развитых навыков жизни в цифровой среде...) и зеркальных по отношению к ним 12-ти индикаторов негативной привилегированности (наличие крупных долгов, отсутствие повседневного доступа к IT-технологиям...) (с. 52). В результате появляется возможность, используя данные общероссийских социологических опросов последних лет, вычислить для каждого респондента величину Индекса жизненных шансов и рисков (ИЖШИР), а затем иерархизировать россиян по величине этого интегрального индекса.

Используя такой подход, авторы книги делят российское общество на три стандартные части — верхнюю, среднюю и нижнюю страты. Предложенный ими подход кажется похожим на стандартную триаду классов, выделяемых по критериям благосостояния, — верхний, средний и нижний. Подход школы Н.Е. Тихоновой, однако, существенно предпочтительнее, поскольку фиксирует *длительную* предрасположенность входящих в выделенные три группы людей быть и чувствовать себя привилегированными, нормальными или депривированными. Деление на страты по жизненным шансам имеет, как и следовало ожидать, высокую корреляцию с делением на традиционные классы «по доходам» (практически все 24 показателя жизненных шансов/рисков существенно связаны с наличием/отсутствием средств в *долгосрочном* периоде), но характеризует социальную структуру россиян более многоаспектно и точно.

Какие же оригинальные характеристики современной России удалось выявить авторам «Общества неравных возможностей», используя этот оригинальный метод стратификации? Прежде всего, удаётся в значительной степени дать ответ на каверзный вопрос, есть ли в нынешней России пресловутый средний класс, который в развитых странах составляет подавляющее большинство. В России средняя страта — та, которая образует национальную норму с точки зрения соотношения жизненных шансов/рисков, — тоже составляет большинство, точнее 64% по состоянию на 2020 г. (с. 73). Другое дело, что эта средняя страта имеет некоторые признаки, сближающие Россию скорее со странами догоняющего развития, чем с развитыми. Прежде всего, сам этот средний слой асимметричен: его нижняя часть, сближающаяся с нижними слоями, превосходит его верхнюю часть (с. 142). Кроме того, в формировании сложившейся в России социальной дифференциации слишком большую роль играют факторы, мало зависящие от конкретного человека. Авторы книги специально посвятили целую главу «территориально-поселенческим особенностям стратификации российского общества», поскольку между столичными и сельскими жителями обнаруживаются существенные различия в пользу первых (с. 122, 392).

Исследование стратификации россиян по жизненным шансам/рискам проливает дополнительный свет и на проблему бедности. Доля нижней страты в 2020 г. составляла целых 24%, что почти вдвое выше «официальной» российской бедности. «Эта зона оказывается не только заметно шире бедности “по доходам”, но и имеет специфический характер, определяющийся далеко не только недостаточностью текущих доходов. Несмотря на то, что часть представителей нижней страты характеризуется уровнем доходов, который не позволяет формально отнести их к бедным, именно эта группа отличается целым рядом особенностей, позволяющих рассматривать её в качестве реальных социальных “низов” в общей структуре современного российского общества» (с. 174). Авторы книги обращают внимание на то, что большинство представителей нижней страты — это незанятые пенсионеры (почти 2/3 этих «низов») и безработные, а у остальных преобладает прекарная занятость. Таким образом, принцип «кто не работает, тот не ест» остаётся печальной (в условиях вынужденности отказа от работы) жизненной реальностью россиян.

Наиболее важны выводы авторов «Общества неравных возможностей» о динамике социальной стратификации — о сильном эффекте «липкого пола» при гораздо более слабом «липком потолке». «Подавляющее большинство представителей нижней страты имеют очень мало шансов качественно улучшить своё положение и выйти из её состава... Так, в 2018 г.

нижняя страта более чем на $\frac{3}{4}$ состояла из людей, входивших в нижнюю страту и в 2013 г. В то же время в верхней страте этот показатель составлял менее половины, что говорит о гораздо менее устойчивом положении её членов, непрочности их благополучия и быстром обновлении состава этой страты на микроуровне. Таким образом, в отличие от эффекта «липкого пола», эффект «липкого потолка» в современном российском обществе для представителей массовых слоёв населения выражен весьма умеренно» (с. 340). Сползание по социальной лестнице вниз наблюдается в нашей стране гораздо чаще, чем подъём вверх; социальные лифты и эскалаторы чаще опускают, чем поднимают. Россия оказывается обществом не просто неравных, но *стабильно* неравных возможностей, что типично для стран, которые пока не смогли реально стать современными социальными государствами.

Общая оценка авторами современной ситуации в России заключается в том, что «российское население всё ещё находится в большинстве своем в состоянии борьбы за выживание» (с. 342). Современный мир движется к постиндустриальному обществу с качественно новыми постматериалистическими ценностями [Инглхарт, Вельцель, 2011], когда люди больше думают не о том, как обеспечить себя, а о самореализации, но большинству россиян о таком образе жизни можно пока только мечтать. Участники проекта Н.Е. Тихоновой помимо выделения трёх страт по жизненным шансам/рискам выделили также пять групп «эмпирических классов» по типичным для них наборам жизненных шансов/рисков: в результате нижняя страта раскалывается на имеющих и не имеющих занятость, а средняя — на две группы по уровню благосостояния. К россиянам, освобождённым от борьбы за выживание, относится в рамках этой модели верхний средний класс (около 13% в 2018 г. — работодатели, управленцы и специалисты), плюс такой же по размерам «средний» средний класс (благополучные работающие и неработающие). Остальные 73% (по данным за 2018 г., но после событий 2020–2022 гг. их доля выросла) — это если и не бедные, то живущие под постоянной угрозой бедности как под дамкловым мечом. Конечно, эти пропорции существенно различаются по регионам (две столицы гораздо более благополучны и «постиндустриальны», в то время как село остаётся социальным арьергардом), но понятно, что к обществу с постматериалистическими ценностями Россия придёт вряд ли раньше, чем через поколение. Такой вывод из «Общества неравных возможностей» тем более основателен, поскольку, напомним, исследователи работали с информацией не столько о самом благосостоянии, сколько о *возможностях* его наращивать.

Несомненно, что эта коллективная монография будет важной вехой развития российской социологии. Однако она имеет высокую значимость и для отечественных экономистов, хотя авторы книги *экономическую* значимость своего исследования определённо склонны недооценивать.

В тексте книги постоянно подчёркивается, что различия по стратам сильно отличаются от экономических различий. На самом же деле это противопоставление «не совсем» верно: наоборот, проведённая авторами книги стратификация россиян по жизненным шансам/рискам (деление на верхнюю, среднюю и нижнюю страты в пропорции примерно 10:65:25) отражает *именно* экономические различия, но не в традиционном (типичном для обществоведения XIX–XX вв.) понимании, а в современном.

Если рассмотреть, что именно авторы понимают под «экономическим», то оказывается, что под ним везде и всюду понимается монетарное/денежное. Так, на первой же странице Введения сразу заявлено: «чисто экономические неравенства постепенно уступают место неравенствам жизненных шансов в различных областях жизни. Одновременно с этим трансформируется и само пространство немонетарных возможностей и лишений...» (с. 9). Но «экономические» преимущества/доходы/факторы в современной экономической науке категорически не сводимы к «денежным».

Как известно, обсуждение обобщающих показателей благосостояния прошло длительный путь, и даже на заре политической экономии, примерно 350 лет назад, один из

основоположников этой науки — У. Петти — указывал, что при исчислении национального благосостояния надо учитывать не только материальное имущество и товарное производство, но также здоровье граждан и квалификацию работников. Эта креативная идея оказалась сильным забеганием вперед, поскольку в дальнейшем развитие пошло по пути снижения значения качеств работника при росте значения материальных факторов его труда. Соответственно, примерно до последней трети XX в. обобщающие экономические показатели (ВВП, национальный доход и др.) действительно были исключительно монетарными/денежными. Но ещё в первой половине XX в. стало приходить понимание (оно отразилось уже в концепции школы человеческих отношений Э. Мэйо), что при сложной работе качества работников не менее важны, чем характеристики предметов и средств труда. Формирование в 1950-1960-е гг. теории человеческого капитала [Беккер, 2003] стало закономерным результатом этой научной революции — качественного обновления «рамочных» представлений об основных ресурсах развития. В дальнейшем внимание экономистов всё больше привлекали не только человеческий капитал в самом широком смысле слова (включая социальный капитал), но и вообще те ресурсы (прежде всего институциональные «правила игры»), которые принципиально нельзя монетизировать (купить/продать), хотя их наличие/отсутствие *очень* влияет на поток денежных доходов.

Таким образом, экономические преимущества в современном понимании — это преимущества в благосостоянии во *всех* его аспектах. «Жизненные шансы» — это фактически «благосостояние» в широком смысле слова, включая не только денежные доходы, но и всё то, что лишь частично может ими компенсироваться, — здоровье, культурная «наследственность», стабильность положения и т.д. Так что используемая в «Обществе неравных возможностей» стратификация по жизненным шансам фактически является вполне экономической, но именно в комплексном понимании «экономичности».

Такая уточняющая интерпретация не противоречит взглядам авторов коллективной монографии, но позволяет лучше понять, что именно они объективно изучили. Автор данной рецензии специально обсуждал с некоторыми авторами коллективной монографии правомерность сведения «экономического» только к «монетарному». Обсуждение показало, что широкая интерпретация «экономического» как всего, связанного с благосостоянием, им кажется в принципе возможной, но всё же вызывает отторжение как «экономический экспансионизм» (синоним «экономического империализма»). Как полагает, например, научный руководитель проекта Н.Е. Тихонова, разработанная стратификация учитывает отнюдь не только даже расширительно трактуемые экономические аспекты жизни. Например, у представителей различных страт — разная доля имеющих счастливую семью, у них разное демографическое поведение, разные по активности поведенческие стратегии в сфере досуга и т.д. Это, в принципе, хотя и можно «впихнуть» в понятие «благосостояние» (точнее, «качество жизни»), но всё же нельзя назвать «экономическими отношениями» как таковыми. А «чрезмерное расширение экономических отношений на имеющие другую природу сферы» авторы не поддерживают.

В конечном счёте всё сводится к вопросу: могут ли какие-либо характеристики человеческих качеств влиять на благосостояние/благополучие людей, но при этом выходить за рамки предмета экономической науки? Современные российские социологи чаще всего понимают своё размежевание с экономистами так, что экономисты изучают материальные условия поведения, в то время как социологи — нематериальные условия, связанные с общественным сознанием. Конечно, такое понимание грани «экономического» и «социологического» устарело, поскольку не учитывает институциональный сдвиг, который привёл к формированию «экономики счастья». Между тем социология жизненных шансов/рисков одновременно объективно является именно «экономикой счастья». Правда, и современные российские экономисты об этом новейшем направлении экономической науки пишут пока не часто [Антипина, 2012].

Между тем уже в конце XX в. экономисты с уклоном в старый институционализм («наследники Веблена») пришли к новому пониманию благосостояния, которое выходит за рамки традиционных представлений об «экономическом» как о чисто материальном (к тому же преимущественно монетарном) благосостоянии. Речь идёт об «экономике счастья», которая зародилась в 1970-е гг. с парадокса Р. Истерлина (доходы растут, а счастливых людей больше не становится [Easterlin, 1974]) и первоначально рассматривала в основном по-прежнему материальное благополучие в широком смысле слова (не только денежное). Но с 1980-х гг. понимание «благополучия» начало меняться: под ним стали понимать не только материальное благосостояние, но и многие другие факторы социального, психического и исторического характера, которые оказывают влияние на мироощущение людей. Новое понимание благополучия отражено и в новых статистических методах [Флербе, 2012; Стиглиц, Сен, Фитусси, 2016]. В частности, с 1990 г. ООН ведёт мониторинг разработанного под руководством пакистанского экономиста М. уль-Хака Индекса человеческого развития (ИЧР), включающего не только среднедушевой ВВП, но также продолжительность жизни (как индикатор здоровья) и характеристики уровня образования. Помимо ИЧР есть немало других интегральных индексов — от тривиальных индексов качества жизни² до пока ещё экзотического Индекса счастья. Используемый авторами «Общества неравных возможностей» Индекс жизненных шансов и рисков находится именно в этом ряду.

Таким образом, в современном понимании «экономическое» — это, по существу, всё, связанное с изучением роста благосостояния, повышающее качество жизни. С такой точки зрения место в производственных отношениях, характер занятости и прочие критерии, которые лежали в основе традиционно-экономических подходов, можно трактовать как частные примеры современных комплексных подходов. Ведь эти характеристики являются одновременно и «инструментами» для роста «благосостояния»/«счастья», и их проявлениями. Ведь «счастье» («полезность» на языке экономической науки XIX–XX вв.) от обладания собственностью, от самореализации в труде, от потребления, от семейной жизни и т.д. вполне сопоставимы. Такой подход действительно объективно имеет черты «империализма», но не экономического, а скорее наоборот, социологического (как у традиционных институционалистов, начиная с Веблена). «Социологизацию» экономических подходов можно рассматривать как один из результатов постепенного глобального сдвига к постэкономическому обществу (в терминологии В.Л. Иноземцева).

Та методология, которую применили авторы «Общества неравных возможностей», разрабатывая и используя ИЖШИР, — шаг вперёд в сравнении с ИЧР М. уль-Хака. Формально они измеряли не само «благосостояние»/«счастье», а «жизненные шансы», но ведь в общечеловеческом понимании счастье (свобода) — это и есть наличие возможностей (позитивная «свобода для...») плюс отсутствие ограничений (негативная «свобода от...»). Тем самым решена — конечно, в самом первом приближении — проблема измерения счастья. Ведь «экономика счастья» в противоположность «экономике благосостояния» оперирует преимущественно субъективными оценками людей (их опрашивают, насколько они удовлетворены своей жизнью). Но ощущения счастья очень субъективны и трудно

² Например, экономисты Финансового университета при Правительстве Российской Федерации предлагают строить Индекс качества жизни (ИКЖ) из следующих показателей: продолжительность здоровой жизни; приемлемый объём потребления товаров и услуг; удовлетворительные социальные отношения, отсутствие серьёзных общественных конфликтов и угроз; благополучие семьи; наличие возможностей для познания мира и развития — доступ к знаниям, образованию и культурным ценностям; учёт мнения индивида при решении общественных проблем, участие в создании правил поведения человека; социальная принадлежность, полноправное участие в общественной и культурной жизни; доступ к разнообразной информации; комфортные условия труда, относительно короткий рабочий день [Гусков, 2019. С. 6]. Из перечисленных 10 элементов лишь 3 (отсутствие конфликтов/угроз, благополучие семьи и социальное участие) не находят явного соответствия среди 24-х показателей жизненных шансов/угроз, использованных авторами «Общества неравных возможностей».

сопоставимы. Поэтому наряду с измерением «удовлетворённости жизнью в целом» (это социологи давно делают в ходе опросов) лучше использовать разработанную школой Н.Е. Тихоновой «батарею» критериев. В сравнении с ИЧР разработанный авторами ИЖШИР учитывает гораздо большее количество различных факторов, влияющих в современных условиях на благополучие.

Итак, хотя авторы «Общества неравных возможностей» вряд ли рассчитывали на сильный резонанс их разработок в среде экономистов, но, по моему мнению, они вполне могут претендовать на «Премиию имени Махбуба уль-Хака», присуждаемую ООН за выдающийся вклад в изучение и развитие человеческого потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С. (2010). «Экономический империализм» как научная парадигма // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 173–176.
- Аникин В.А. (2020). Социальные классы новой России: неравные и разные // *Социологические исследования*. № 2. С. 31–42.
- Антипина О. (2012). Экономическая теория счастья как направление научных исследований // *Вопросы экономики*. № 2. С. 94–107.
- Беккер Г.С. (2003). *Человеческое поведение: экономический подход*. — М.: ГУ ВШЭ.
- Гусков В. (2019). Экономика счастья: мифы и реальность // *Наука и инновации*. № 9. С. 4–10.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. — М.: Новое издательство.
- Каравай А.В. (2020). Факторы неравенства жизненных шансов россиян (опыт эмпирического анализа) // *Социологическая наука и социальная практика*. № 1. С. 63–78.
- Лежнина Ю.П. (2019). Риски и возможности россиян как база социальной динамики // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 17. № 2. С. 207–222.
- Розов Н.С. (2009). От дисциплинарного империализма — к Обществу без Границ! // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 132–141.
- Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. (2016). *Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла?: Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса*. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Тихонова Н.Е. (2006). Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // *Социологические исследования*. № 9. С. 28–40.
- Тихонова Н.Е. (2018). Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // *Социологические исследования*. № 6. С. 53–65.
- Тихонова Н.Е., Мареева С.В., Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. (2022). *Общество неравных возможностей: социальная структура современной России*. Под ред. Н.Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир.
- Флербе М. (2012). За пределами ВВП: в поисках меры общественного благосостояния // *Вопросы экономики*. № 2. С. 67–93; № 3. С. 32–51.
- Easterlin R.A. (1974). Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence // *Nations and Households in Economic Growth*. Vol. 89. P. 89–125.

Латов Юрий Валерьевич

latov@mail.ru

Yuri Latov

Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Research Center of Science and Technology of the Russian Academy of Science (Moscow)

latov@mail.ru

SOCIOLOGY OF LIFE CHANCES AND RISKS AS A CONTRIBUTE TO THE «ECONOMY OF HAPPINESS» (REFLECTIONS ON «UNEQUAL OPPORTUNITY SOCIETY: SOCIAL STRUCTURE OF MODERN RUSSIA»)

Abstract. The article analyzes the collective monograph of the staff of the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences and the Higher School of Economics, edited by N.E. Tikhonova on the social stratification of modern (2010-2020s) Russian society. The main methodological innovation of its authors is the complex use of a certain set of life chances and risks as a classification criterion. This approach, proposed in a general form by M. Weber, is better than the traditional “income” structuring, because it helps to capture resources that are formed and realized in the long term, and not instantly, like a stream of income. Based on this approach, the authors of the collective monograph managed to draw many important conclusions about the specifics of the modern development of Russia, which continues to catch up. They revealed the division of modern Russians into the upper (positively privileged), middle (normal) and lower (negatively privileged) strata in a proportion of approximately 10:65:25 as of the end of the 2010s. At the same time, although up to 2/3 of Russians belong to the middle stratum, only about a quarter of all Russians are free from the risks of poverty, and the remaining 3/4, including most of the middle stratum, if not poor, then live in conditions of impoverishment risks. A certain “underdevelopment” of modern Russia is also manifested in the high effect of the “sticky floor”, while the effect of the “sticky ceiling” is much less noticeable. Although the authors of the collective monograph themselves present their approach as going beyond the economic approach to welfare, objectively their analytical development is an element of the transition of social scientists to a broader understanding of welfare, which began in economics in the 1970s. The Life Chances and Risks Index developed by the authors of the book is actually based on the same premises as the Human Development Index, but includes a much larger number of elements that characterize both monetary and non-monetary aspects of the well-being of people in the 21st century.

Keywords: *transitive economy, social structure, inequality, life chances, economics of happiness, economic and sociological imperialism.*

JEL: B41; D63; I31; P20; Y30; Z13.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Латов Ю.В. Социология жизненных шансов и рисков как вклад в «экономику счастья» (Размышления над книгой «Общество неравных возможностей: социальная структура современной России») // Вопросы теоретической экономики. 2022. №4. С. 193–201. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_193_201.

FOR CITATION: Latov Y. Sociology of Life Chances and Risks as a Contribute to the «Economy of Happiness» (Reflections on «Unequal Opportunity Society: Social Structure of Modern Russia») // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2022. No. 4. Pp. 193–201. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_193_201.

REFERENCES

- Anikin V.A. (2020). Sotsial'nyye klassy novoy Rossii: neravnyye i raznyye [Social classes of the new Russia: unequal and different] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 2. Pp. 31–42. (In Russ.).
- Antipina O. (2012). Ekonomicheskaya teoriya schast'ya kak napravleniye nauchnykh issledovaniy [The economic theory of happiness as a direction of scientific research] // *Voprosy ekonomiki*. No. 2. Pp. 94–107. (In Russ.).
- Avtonomov V.S. (2010). «Ekonomicheskiy imperializm» kak nauchnaya paradigma [«Economic imperialism» as a scientific paradigm] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 3. Pp.173–176. (In Russ.).
- Becker G.S. (2003). *Chelovecheskoye povedeniye: ekonomicheskiy podkhod* [Comportement humain : une approche économique]. — М.: GU HSE. (In Russ.).
- Easterlin R.A. (1974). Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence // *Nations and Households in Economic Growth*. Vol. 89. Pp. 89–125.
- Guskov V. (2019). Ekonomika schast'ya: mify i real'nost' [Economics of Happiness: Myths and Reality] // *Nauka i innovatsii*. No. 9. Pp. 4–10. (In Russ.).
- Flerbe M. (2012). Za predelami VVP: v poiskakh mery obshchestvennogo blagosostoyaniya [Beyond GDP: in search of a measure of social welfare] // *Voprosy ekonomiki*. No. 2. Pp. 67–93; No. 3. Pp. 32–51. (In Russ.).

- Inglehart R., Welzel K. (2011). *Modernizatsiya, kul'turnyye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence]. — Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.).
- Karavay A.V. (2020). Faktory neravenstva zhiznennykh shansov rossiyan (opyt empiricheskogo analiza) [Factors of inequality of life chances of Russians (experimental analysis)] // *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. No. 1. Pp. 63–78. (In Russ.).
- Lezhnina Yu.P. (2019). Riski i vozmozhnosti rossiyan kak baza sotsial'noy dinamiki [Risks and opportunities of Russians as the basis of social dynamics] // *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. V. 17. No. 2. Pp. 207–222. (In Russ.).
- Rozov N.S. (2009). Ot distsiplinarnogo imperializma — k Obshchestvoznaniyu Bez Granits! [From Disciplinary Imperialism to Social Science Without Borders!] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 3. Pp. 132–141. (In Russ.).
- Stiglitz D., Sen A., Fitoussi J.-P. (2016). *Neverno otsenivaya nashu zhizn': Pochemu VVP ne imeyet smysla?: Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomiki i sotsial'nogo progressa*. [Misjudging Our Lives: Why GDP Doesn't Make Sense? Report of the Commission for Measuring Economic Performance and Social Progress]. — Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. (In Russ.).
- Tikhonova N.E. (2006). Resursnyy podkhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikatsionnykh issledovaniyakh [Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 9. Pp. 28–40. (In Russ.).
- Tikhonova N.E. (2018). Stratifikatsiya po zhiznennym shansam massovykh sloyev sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Stratification by life chances of the mass strata of modern Russian society] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 6. Pp. 53–65. (In Russ.).
- Tikhonova N.E., Mareeva S.V., Anikin V.A., Lezhnina Yu.P., Karavay A.V., Slobodenyuk E.D. (2022). *Obshchestvo neravnykh vozmozhnostey: sotsial'naya struktura sovremennoy Rossii*. [A society of unequal opportunities: the social structure of modern Russia.] Ed. by N.E. Tikhonova. — M.: Ves' Mir. (In Russ.).